

## Формирование национальной модели модернизации в условиях новой экономической политики в БССР в 1920-е гг.

*Ходин С.Н.*

*Белорусский государственный университет, Минск*

*Понятие «советская модернизация» является одним из самых дискуссионных. Вместе с тем, очерчивая советский период, следует видеть не только различия в политике властей, но и в отношении населения к властным структурам, стремлении к изменениям или же к сохранению традиционных форм жизнедеятельности. В этом аспекте наиболее интересным представляется обращение к периоду «новой экономической политики», которая способствовала возможности формирования и реализации национальной концепции (модели) модернизации.*

*Цель статьи – определить предпосылки формирования, особенности и сущность национальной модели советской модернизации в Беларуси в 1921–1928 гг.*

*Материал и методы.* Рассматриваются возможности использования модернизационной парадигмы для исследования политики и трансформационных процессов в белорусской советской деревне. На основе анализа новых документальных комплексов, в том числе аграрного законодательства, применения компаративного метода и структурно-функционального анализа автором установлены различия в подходах к модернизации в 1920-е гг.

*Результаты и их обсуждение.* Система новой экономической политики, формировавшаяся на протяжении 1921–1924 гг., переход к политике сотрудничества с крестьянством и мотивации к труду на основе товарно-денежных, рыночных отношений в условиях поиска сотрудничества с крестьянством, а соответственно с преобладающей частью населения БССР, способствовали укреплению белорусской советской государственности.

*Заключение.* Сложившуюся в 1920-е гг. в БССР модель модернизации следует рассматривать как органическую, реформистскую. Ее реализация основывалась на собственных природных и социально-экономических ресурсах, учете традиций и особенностей исторического развития Беларуси, труда как базового принципа справедливости, традиций громады и отрицании уравнительного подхода в землепользовании; интеграции коллективных и индивидуальных хозяйств через многоуровневые кооперативы.

*Ключевые слова:* белорусская деревня, крестьянство, община, громада, кооперация, новая экономическая политика, модернизация, советская модернизация.

*(Ученые записки. – 2018. – Том 28. – С. 59–64)*

## Formation of the National Model of Modernization in the Conditions of New Economic Policy in the BSSR in the 1920s

*Khodin S.N.*

*Belarusian State University, Minsk*

*The concept of «Soviet modernization» is one of the most controversial. At the same time, outlining the Soviet period, one should see not only differences in the policies of the authorities, but also in the attitude of the population to the authorities, the desire for change, or the preservation of traditional forms of life activity. In this regard, the most interesting seems to be an appeal to the period of «new economic policy», which contributed to the possibility of the formation and implementation of the national concept (model) of modernization.*

*The purpose of the article is to determine the prerequisites for the formation, features and essence of the national model of the Soviet modernization in Belarus in 1921–1928.*

*Material and methods.* The possibilities of applying the modernization paradigm to the study of policies and transformation processes in the Belarusian Soviet village are considered. Based on the analysis of new documentary complexes, including agrarian legislation, the application of the comparative method and the structural-functional analysis, the author investigated the differences in approaches to modernization in the 1920s.

---

*Адрес для корреспонденции: e-mail: skhodzin@mail.ru – С.Н. Ходин*

***Findings and their discussion.** The system of new economic policy that emerged during 1921–1924, the transition to the policy of cooperation with the peasantry and motivation to work on the basis of commodity-money, market relations in the context of the search for cooperation with the peasantry, and accordingly with the majority of the population of the BSSR, contributed to the strengthening of the Belarusian Soviet statehood.*

***Conclusion.** The developed in the 1920s in the BSSR modernization model should be regarded as organic and reformist. Its implementation was based on own natural and socio-economic resources, taking into account the traditions and peculiarities of the historical development of Belarus, labor as the basic principle of justice, the traditions of the community and the negation of the leveling approach in land use, integration of collective and individual farms through multi-level cooperatives.*

***Key words:** Belarusian village, the peasantry, community, gromada, cooperation, new economic policy, modernization, Soviet modernization.*

*(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 59–64)*

**В** белорусской историографии в последние десятилетия все более отчетливо выявляется тенденция отхода от противопоставления различных эпох. Стремление вернуться к истории как целостной науке о человеке предопределило более настойчивое обращение к терминам и методам других наук. Все чаще историки оперируют понятиями «бифуркация», «синергетика», «модерн», «экономическое поведение» и др.

Только за последние два года в Беларуси увидели свет несколько монографий, в основу которых была положена модернизационная парадигма [1]. Сам термин «модернизация» пока еще очень сложно приживается в названиях исторических трудов. Одной из причин является недостаточная определенность этого понятия. Довольно часто можно прочесть, что модернизация – просто движение вперед, к современному обществу. Стремление конкретизировать это современное общество как западное («вестернизация»), определенный идеологический оттенок в подходах к формулировке понятия «модернизация» продолжает формировать аргументы «против».

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что модернизационная парадигма в купе с цивилизационной позволяют сформировать ту междисциплинарную интеграцию, которая уже давно востребована стремлением к истории как науке о человеке. Теория модернизации прошла продолжительный период развития, впитывая значительный фактологический материал, реагируя на современные вызовы и формируя новые подходы. «Множественность модернизаций» С. Айзенштата отразила стремление к учету роли традиции и тех факторов (в том числе временных и пространственных), которые обуславливают темпы, формы и основное содержание модернизационных процессов.

Цель статьи – определить предпосылки формирования, особенности и сущность национальной модели советской модернизации в Беларуси в 1921–1928 гг.

**Материал и методы.** Рассматриваются возможности использования модернизационной парадигмы для исследования политики и трансформационных процессов в белорусской советской деревне. На основе анализа новых документальных комплексов, в том числе аграрного законодательства, применения компаративного метода и структурно-функционального анализа автором установлены различия в подходах к модернизации в 1920-е гг.

**Результаты и их обсуждение.** Летом 1921 г. на сравнительно небольшой территории 6 уездов Минской губернии возобновляется экономическая жизнь независимой Советской Социалистической Республики Беларусь. Однако провозглашение независимости ССРБ происходило в обстановке незавершенности военных действий как на внешнем, так и внутреннем фронте, в условиях усталости от войны, бесконечных реквизиций, продразверстки. Большевики, осознавая экономическую угрозу от разделов крупной земельной собственности, пытались на землях бывших помещичьих имений создать совхозы и коммуны, а левозеровское руководство Наркомзема РСФСР инициировало переселения хуторян обратно в деревни. Конфликт большевиков и левых эсеров лишь видоизменил конструкцию в руководстве Наркомата, но реальное влияние Наркомзема РСФСР на политику в Беларуси, как и влияние эсеров на местах, в начале 1920-х гг. сохранялось.

Следует подчеркнуть относительно спокойное отношение белорусского крестьянства к вопросу реализации Декрета о земле, который отменял право частной собственности на землю и сохранял общинную форму землевладения. В преобладающей части Беларуси общинное землевладение разрушалось уже с XVI в., окончательный удар был нанесен аграрной реформой Столыпина. Первые опросы крестьян, проведенные в конце 1920 г., показали стремление крестьянства Витебской, части Смоленской и Могилевской губерний исключительно к выделению на хутора.

---

Вместе с тем сохранялась такая форма социальной организации белорусского крестьянства, как громада. Она объединяла собственников для решения целого ряда задач общественной жизни: выплаты налогов, строительства дорог, организации школ, использования коллективных угодий и т.д. В этом отношении белорусский крестьянин также дорожил громадой, как и российский крестьянин – общиной. Трансформация общины в сельское общество обосновывается в статьях молодой отечественной исследовательницы А.И. Маскевич [2]. По ее мнению, сельское общество (громада) – это форма общественной организации крестьян, единица самоуправления, а крестьянская община – форма крестьянского землевладения, которое существовало в обществе наряду с подворным [3, с. 13]. Крестьянская громада оставалась важнейшим регулятором социальных отношений, прежде всего в сфере земель общего пользования (лес, выгоны, сенокос). Она воспринималась как некое коллективное, объединяющее начало, в котором соединились национальные и социальные требования белорусов. «А кто там идет, а кто там идет в огромной такой громаде? Идут белорусы», – писал белорусский поэт Я. Купала.

Белорусские социалистические партии, как и эсеры, отстаивали требование отмены частной собственности на землю. Оно было закреплено в частности во Второй Уставной грамоте БНР. Вместе с тем понимание справедливости не было связано с уравнительностью. У белорусов, проживавших почти исключительно в сельской местности, в основу всего был положен принцип труда. «Крестьянская семья проникнута трудовым началом. Это представляется особенно ясным там, где труд прилагается к земле. Сама земля для белоруса имеет значение постольку, поскольку к ней прилагается труд пахаря. Оттого мы и встречаем такой взгляд в народном обычном праве, что право на землю признается за лицом, приложившим к ней свой труд», – отмечал известный белорусский историк М.В. Довнар-Запольский [4, с. 276]. Он приводил многочисленные свидетельства о том, что громада пустовавшую землю отдавала тому, кто ее обрабатывал. «Обычное право относится с глубоким уважением к долголетнему труду, полагаемому на нее, признает часто права на владение землею и посторонних лиц, долго трудившихся на ней и приобретших таким образом право на самое землю», – писал М.В. Довнар-Запольский. «Здесь принцип один – принцип труда», – констатирует он [5, с. 46–48].

Приход большевиков к власти в огромной крестьянской стране вынуждал большевистских теоретиков к адаптации марксистского учения к условиям и особенностям территории и населения формировавшихся советских республик. Сутью новой политики становилось признание крестьянства в качестве субъекта социального взаимодействия. Уже в декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов, обобщая трехлетний опыт отношений с крестьянством, В.И. Ленин подчеркивал: «Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время другим не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизму не приходится» [6, с. 181]. Весной 1921 г. «первым практическим шагом» новой (в сравнении с «военным коммунизмом») экономической политики стала замена продразверстки на продовольственный налог. Впоследствии, на IX Всероссийском съезде Советов, В.И. Ленин по-прежнему утверждал: «Продналог в общем и целом дал крестьянам во всей массе улучшение. Это не требует доказательств...» [7, с. 17]. Значимость подобного мероприятия не была оценена крестьянством Беларуси в условиях, когда продналог оказался больше продразверстки [8]. Этот период в земельной политике определяли как переход от нейтрализации середняка к прочному союзу с ним. «Новостью являлось то, – отмечал один из руководителей Компартии Белоруссии, – что мы приступаем к строительству социализма вместе с крестьянством». Первоначально основным содержанием этой новой по отношению к «военному коммунизму» политики виделся товарообмен. С данной целью 17 мая 1921 г. СНК утвердил Генеральный договор между Наркомпродом и Центросоюзом на подготовку для государства сельскохозяйственных продуктов и сырья путем товарообмена [9].

В советской литературе исключительное значение придавалось решениям X съезда партии. На наш взгляд, такой подход закрепился позднее. Отчет о деятельности Наркомзема РСФСР за 1917–1922 гг. и доклад об основных результатах аграрной политики, сохранившийся в Российском государственном архиве экономики, о X съезде не упоминают вообще. По мнению авторов документа, самостоятельным рубежом является время от VIII до IX Всероссийского съезда Советов (декабрь 1920–декабрь 1921), целью которого явилось стимулирование расширения крестьянской запашки. IX Всероссийский съезд Советов в декабре 1921 г. рассматривается как форум, определивший начало политики, направленной на «поднятие самостоятельности крестьянского

населения на почве хозрасчета и личной их заинтересованности в производстве сельскохозяйственной продукции» [10]. Именно на этом съезде руководитель большевистской партии В.И. Ленин отметил, что союз крестьянства и рабочего класса должен быть построен на «других началах». «Основой, сущностью экономической связи, – подчеркнул он, – должна стать торговля». А ведь еще совсем недавно лозунг свободы торговли звучал так же контрреволюционно, как «Советы без большевиков». «Для коммунистов, – продолжал глава большевиков, – это неприятное открытие. Очень может оказаться, что это открытие – чрезвычайно неприятное...» [7, с. 13–14]. В.И. Ленин утверждал, что необходимо учиться, нужен новый культурный уровень, это требует «новой культуры» и несколько раз повторил: «... научиться работать другими темпами, считая работу десятилетиями, а не месяцами, и здесь работа целых десятилетий» [7, с. 23–24].

В свете ожидавшихся кардинальных изменений представляется совершенно очевидным, почему первой и главной резолюцией X съезда ВКП(б) готовящихся к IX Всероссийскому съезду большевиков стало принятие резолюции «О единстве партии». Сама атмосфера подготовки к IX Всероссийскому съезду Советов подталкивала к отходу от догматических положений, поиску новых форм. Критикуя позицию Наркомата земледелия (НКЗ) БССР на X конференции (V съезде) КП(б)Б (15–30 октября 1921 г.), выступавшие подчеркивали: «Законы диктует нам жизнь, а не коммунистическое исповедание, которое мы все знаем». Они считали, что «новая экономическая политика всерьез и надолго» [11, л. 216]. Впрочем, нарком земледелия БССР А.И. Славинский отстаивал позицию, согласно которой утверждалось, что «крестьянство не представляет никакого класса», что крестьянин стал «хищником, кулаком, и он стремится еще больше обогатиться» [11, л. 173, 219–220]. На партийной конференции в следующем, 1922 г. А.И. Славинский заявил: «Вы называете это новой экономической политикой? Это анархия, и анархию необходимо остановить». Он призвал опираться на коммуны и сельскохозяйственные артели [12, л. 192, 219, 220]. Подобная позиция А.И. Славинского, в конечном счете, привела его к расхождению с позицией ЦИК БССР (А.Г. Червяков) и отставке в 1924 г.

Следовательно, на протяжении 1921–1924 гг. формировались предпосылки национальной советской модели модернизации в Беларуси. Важнейшими из них явились:

1) переход к политике сотрудничества с крестьянством и мотивации к труду на основе товарно-денежных, рыночных отношений. Это вызвало к жизни политику белорусизации (а точнее, «коренизации» – участия в управлении и культурном строительстве представителей всех наций, проживавших в республике). На этой основе формируется белорусская (не только этнически, но и по территории проживания) партийно-хозяйственная элита, имевшая представление о традициях населения и отстаивавшая хозяйственные интересы Белорусской республики;

2) укрупнение территории БССР, которое значительно увеличило не только численность населения, но и номенклатуры, отстаивавшей необходимость учета белорусских интересов в партийно-хозяйственной политике. Существенным субъективным фактором явилась смена руководства Наркомата земледелия БССР. Возвращение в состав БССР части территорий Витебской, Гомельской и Смоленской губерний предопределило распространение здесь белорусского законодательства;

3) национальная консолидация, имевшая существенное значение для реализации политики в сфере культуры. Рада БНР как второй центр инициирования белорусской государственности заявила о своем самороспуске и о поддержке строительства белорусской модели советского государства;

4) система новой экономической политики, формировавшаяся на протяжении 1921–1924 гг. Реализуется свободный выбор форм землепользования, разрешается свободный наем рабочей силы и инвентаря, аренда земли, укрепляется финансовая система, способствовавшая развитию товарно-денежных отношений на селе и углублению специализации сельского хозяйства БССР;

5) в условиях поиска сотрудничества с крестьянством, а соответственно с белорусским населением, укрепляется белорусская советская государственность. Формируется собственная правовая база, укрепляются государственные институты. Был подготовлен первый проект Конституции независимой БССР, предложенный к утверждению в Москве в 1925 г.

Реализация белорусской модели модернизации начинается с 1924–1925 хозяйственного года. Важнейшей ее характеристикой явилась опора преимущественно на свои силы и ресурсы. В основу развития было положено стремление интенсифицировать сельскохозяйственное производство, а также лесное хозяйство и связанные

с ними отрасли промышленности и коммуникации. Отстаивая необходимость реализации новой экономической политики в Советской Беларуси как политики, направленной на развитие хозяйственной инициативы крестьянства, заместитель наркома земледелия БССР в октябре 1924 г. Д.Ф. Прищепов подчеркивал: «Вы видели развитие нэпа в городе и что же, неужели из-за этого страдала наша политика, страдали рабочие? Понятно, нет. И сейчас нам нужно дать возможность развиваться нэпу в деревне» [13, л. 152]. Научной основой для модернизации становится «Перспективный план развития сельского и лесного хозяйства БССР на 1925/26 – 1929/30 гг.».

Особенно заметными являлись отличия в области земельной политики и земельного законодательства. Основные положения базировались на общих традициях отказа от частной собственности на землю. Вместе с тем новый нарком земледелия БССР Д.Ф. Прищепов резко выступил против общины. В целом ряде своих статей в 1926 г. он утверждал, что в восточных округах Беларуси общины не существовало и требовал проведения земельной политики на принципах, установленных в Беларуси [14]. «Если теперь провести раздел земли по едокам, который фактически является “черным переделом”, – писал он, – то я уверен в том, что через несколько лет, как только изменится число едоков, снова крестьяне начнут искать неправильности и снова будут делить землю по едокам. Таким образом, мы такой политикой ставим деревню на путь перманентного “черного передела”, при котором реорганизации сельского хозяйства нельзя будет провести. Крестьяне будут уметь делить землю, а не хозяйствовать» [14]. Отметим, что в Российской Федерации, идя навстречу требованиям крестьянства, в конце 1927 г. правительство РСФСР разрешило произвести общий уравнильный передел земли в тех земельных обществах, где он не проводился с 1922 г. и в которых сохранилась значительная неравномерность в землепользовании дворов. «В этих случаях, – пишет Л.В. Алиева, – общий передел земель мог производиться даже по требованию меньшинства членов общества» [15, с. 150].

Еще до первого укрупнения в БССР был разработан Земельный кодекс 1923 г., который существенно отличался от Земельного кодекса РСФСР 1 декабря 1922 г., в первую очередь в сфере общинных отношений. В 1925 г. утвердили новый Земельный кодекс, который распространял свое влияние на всю территорию Советской Беларуси. Главное отличие было в неприятии общинной формы землепользования, не допускались и уравнильные переделы.

В условиях низкого качества почв было очень важно поддержать заинтересованность крестьянства в их улучшении. В связи со стремлением ограничить уравнильные тенденции, преобладающие в некоторых восточных округах БССР, было определено, что установление нормы наделения землей остается за Наркоматом земледелия. Руководство НКЗ БССР в 1925–1928 гг. поддерживало поселки, а не хутора как основную форму землепользования, при сохранении свободы выбора за крестьянами [16, л. 109–111]. В поселках планировалось развивать многофункциональные кооперативы, а колхозы и совхозы вкупе с имеющимися у них предприятиями по переработке сельскохозяйственной продукции намеревались использовать как локомотивы такой кооперации, интегрируя общественный сектор производства с индивидуальным. Обрезка земли проводилась земельными органами Беларуси с таким расчетом, чтобы затронуть не более 10% хозяйств и сохранить так называемые показательные («культурные») хозяйства. К ним относили тех хозяев, которые совершенствовались агротехнику, занимались семеноводством и племенным скотоводством, способствовали распространению сельскохозяйственных знаний и навыков.

Существенным отличием явилось также установление максимальных и минимальных норм трудового землепользования [16, л. 212–214 об.]. Очевидно, что данная норма исходила из убеждения белорусского крестьянина в том, что в основе всего должен лежать труд. Поэтому при расчете максимальной нормы предполагалось «оставить двору землю в таком количестве, чтобы он мог обработать трудом членов своей семьи, при условии, что хозяйство будет вестись не менее интенсивно, чем позволяют естественные и экономические условия района». Хозяйства, содержащие излишек земли, подлежали обрезке в целях обеспечения безземельных и малоземельных крестьян минимальной нормой наделения землей [12]. Тщательные расчеты не избавили руководителей НКЗ от обвинений в искривлении «классовой линии». Малоземельные многодетные семьи, очевидно, рассчитывали на возможность увеличения землепользования при распределении по едокам. Малограмотность рождала непонимание, оно позволяло, в свою очередь, использовать впоследствии недовольство крестьян для репрессий против руководства Наркомата земледелия БССР и Д.Ф. Прищепова.

В период 1925–1927 гг. происходит дальнейшее укрепление институтов государственной власти. На VIII Всебелорусском съезде Советов принимается Конституция БССР, в которой за-

крепляются свободный выбор землепользования, принцип разделения властей и право свободного выхода из СССР. На съезде все более отчетливо звучат призывы-требования к союзному руководству учитывать особенности развития Беларуси. Стремление к национальной консолидации вызывало определенную настороженность в среде центрального партийного аппарата, уже взявшего курс на значительное усиление авторитарных методов. С этой целью во внимание были приняты недовольство части крестьянства земельной политикой правительства БССР, перегибы в сфере белорусизации, недочеты в государственном строительстве и хозяйственной практике. На заседании Пленума ЦК КП(б) 27–29 апреля 1926 г. отмечалось, что 75% товаров промышленности потребляет город, происходит натурализация хозяйства. Развитие деревни упиралось в развитие промышленности, в недостаток сельскохозяйственных машин. Наметившийся уже с 1927–1928 хозяйственного года слом нэпа как рыночной системы основывался не только на классовых принципах. Важнейшей задачей становилась ускоренная индустриализация СССР в условиях нарастания угрозы мировой войны.

**Заключение.** Неравномерность развития стран закономерно порождает феномен «догоняющего» развития. При этом, по выражению С.П. Капицы, происходит «сжатие времени»: «отстающие» страны имеют возможность использовать технологические наработки более развитых стран и сделать более быстрый рывок к современности, но современные социальные институты и структуры не успевают сформироваться или же адаптироваться к новым условиям. Подобного рода фрагментарность модернизации может не только усиливать имеющиеся социальные противоречия, но и приводит к революционного рода катаклизмам, продуцирующим восстановление архаических норм в поведенческой, а нередко и в материальной сфере. Модернизация требует значительного напряжения всех общественных институтов и конкретного человека, определенной мотивации перемен, необходимость которых может не сразу осознаваться всем обществом. Сочетание микро- и макроисторических подходов, исследование повседневности позволяют обнаружить механизмы и формы преемственности развития.

## Литература

1. Каханоўскі, А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А.Г. Каханоўскі. – Мінск: БДУ, 2013. – 335 с.; Токць, С.М. Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове

1. XIX – пачатку XX ст. / С.М. Токць. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2015. – 328 с.; Ходзін, С.М. Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921–1939) / С.М. Ходзін. – Мінск: БДУ, 2014. – 240 с.
2. Маскевіч, Г.І. Да пытання аб вызначэнні тэрмінаў «сельская грамада» і «абшчына» ў Беларусі ў другой палове XIX ст. / Г.І. Маскевіч // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Т.А. Новгородского. – Минск: БГУ, 2011.
3. Маскевіч, Г.І. Сацыяльная арганізацыя сельскай грамады Беларусі ў 60–90 я гг. XIX ст. / Г.І. Маскевіч // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. – Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Эканоміка. Права. – 2007. – № 3. – С. 13–18.
4. Довнар-Запольский, М.В. Исследования и статьи. Т. 1: Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность / М.В. Довнар-Запольский. – Киев, 1909. – 488 с.
5. Довнар-Запольский, М. Очерки обычного семейственного права крестьян Минской губернии / М. Довнар-Запольский // Этнограф. обозрение. – 1897. – № 2. – С. 46–48.
6. Ленин, В.И. Речь при обсуждении законопроекта СНК «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 24 декабря / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – Т. 42. – 607 с.
7. IX Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет РСФСР. – № 1. – М., 1921. – 26 с.
8. Бяспалая, М.А. Беларуская вёска ў першыя гады нэпа (1921–1923 гг.) / М.А. Бяспалая. – Мінск: БУК, 1999. – 253 с.
9. Генеральный договор на заготовку для государства с/х продуктов и сырья путем товарообмена, заключенного между Наркомпродом и Центросоюзом, утвержденный Советом Народных Комиссаров 17.05.1921 г. // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 476.
10. Отчет о деятельности Наркомзема за 1917–1922 гг. и доклад «Основные сравнительные данные, характеризующие результаты земельной политики за годы революции» (без автора). 1922, на 218 л. // Рос. гос. архив экономики. – Фонд 478. – Оп. 1. – Д. 851.
11. Стенограмма V съезда КП(б)Б (X конференции КП(б)Б) от 15–20 окт. 1921 г. 334 л. // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 417. – Л. 216.
12. Стенограмма заседания пленума ЦК КП(б)Б от 2–8 мая 1925 г. 104 л. // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 1992.
13. Протоколы заседаний I, II, III Всебелорусских съездов уполномоченных сельскохозяйственных товариществ и промышленной кооперации, сельскохозяйственных кооперативных совещаний при Центробелсоюзе, материалы к протоколам // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 334. – Оп. 1. – Д. 51.
14. Прищепов, Д. Земельная политика на присоединенных территориях / Д. Прищепов // Звезда. – 1927. – № 170, 171.
15. Алиева, Л.В. Реализация Земельного кодекса РСФСР 1922 г. в контексте эволюции крестьянской поземельной общины (на материалах Псковской губернии) / Л.В. Алиева // Псков. – 2006. – № 24. – С. 148–152.
16. Документы о состоянии сельского хозяйства и очередных задачах аграрной политики в БССР (доклады, тезисы докладов, сведения, выводы и др.). 18 февр.–31 июля 1925 г. 375 л. // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 2295.

*Поступила в редакцию 19.12.2018 г.*